

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-81-91>

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПОРЯДКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУДЕБНОМ ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Лучинкин Ф.М.

Ижевский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»

(Заречное шоссе, д. 23, г. Ижевск, Россия, 426052)

Ссылка для цитирования: Лучинкин Ф.М. К вопросу об оптимизации порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании по уголовному делу. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2023;15(1):81–91. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-81-91>

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Лучинкин Федор Михайлович, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Ижевский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Адрес: Заречное шоссе, д. 23, г. Ижевск, Россия, 426052

Тел.: +7 (912) 456-50-50

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Статья поступила в редакцию: 19.01.2023

Статья принята к печати: 20.02.2023

Дата публикации: 20.03.2023

Аннотация: В государственно-правовом развитии России наступила новая эпоха. Определена уголовно-правовая политика, основные положения которой убеждают в утверждении таких векторов развития уголовного судопроизводства, как обеспечение прав личности, ограждение личности от вторжения в сферу ее интересов государственных органов без значимых причин. Эти положения обуславливают потребность в выработке новых подходов к регулированию всего спектра правоограничивающих средств, что особенно актуализирует проблему соответствующего развития оперативно-розыскной деятельности, результаты которой могут рассматриваться как доказательства и использоваться в ходе не только досудебного производства, но и в судебном следствии.

Судебное доказывание является основой для установления значимых обстоятельств, необходимых для разрешения уголовного дела. От степени достоверности фактов, уровня убедительности их совокупности зависит итоговое судебное решение. Одним из возможных источников сведений о значимых обстоятельствах выступают результаты оперативно-розыскной деятельности. Их использование в доказывании представляется важным сегментом уголовно-процессуальной деятельности, начиная от процессуальных способов их представления суду, до оценки результатов их исследования в условиях состязательного судебного следствия. Весь этот процессуальный путь сопровождают многочисленные проблемы, одной из которых выступает порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании. Оптимизация этого порядка представляется важным направлением современной уголовно-процессуальной науки и значимым аспектом правоприменения.

Целью исследования является разработка нового подхода к разрешению институциональной проблемы использования в судебном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. В задачи исследования вошли: формулирование проблемной ситуации в новом политико-

идеологическом контексте, связанной с определением порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в судебном доказывании; определение теоретико-правового способа ее решения; разработка конкретных авторских предложений по изменению порядка использования в судебном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности.

Исследование проведено на основе традиционных *методов*: различные виды анализа (структурно-системный, системно-функциональный), обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результатами исследования стали авторские предложения, направленные на оптимизацию процессуальной формы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в условиях судебного следствия, включая дифференцированный подход к использованию в судебном следствии личных и вещественных результатов оперативно-розыскных мероприятий, формулировка правовых стандартов представления и исследования в судебном следствии материалов дел оперативного учета, допросов оперуполномоченных, а также засекреченных свидетелей обвинения, которые участвовали в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, доказательства, результаты оперативно-розыскной деятельности, судебное следствие, процессуальный порядок, использование.

ON THE ISSUE OF OPTIMIZING THE ORDER OF USE RESULTS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN JUDICIAL EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Fedor M. Luchinkin

Izhevsk Institute (branch)

FGBOU VO "All-Russian State University of Justice"

(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

(Zarechnoye shosse, 23, Izhevsk, Russia, 426052)

Link for citation: Luchinkin F.M. On the issue of optimizing the order of use results of operational and investigative activities in judicial evidence in a criminal case. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2023;15(1):81–91. <https://doi.org/10.31429/20785836-15-1-81-91>

CONTACT INFORMATION:

Fedor M. Luchinkin, Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines Izhevsk Institute (branch)
FGBOU VO "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Address: Zarechnoe highway, 23, Izhevsk, Russia, 426052

Tel.: +7 (912) 456-50-50

E-mail: fedor-luchinkin@mail.ru

Conflict of interest. The author declares no conflicts of interest.

Financing. The study had no sponsorship (own resources).

The article was submitted to the editorial office: 19.01.2023

The article has been accepted for publication: 20.02.2023

Date of publication: 20.03.2023

Annotation: A new era has come in the state and legal development of Russia. A criminal law policy has been defined, the main provisions of which convince of the approval of such vectors of the development of criminal proceedings as ensuring the rights of the individual, protecting the individual from intrusion into the sphere of its interests by state bodies without significant reasons. These provisions make it necessary to develop new approaches to regulating the entire range of law-limiting means, which especially actualizes the problem of the corresponding development of operational investigative activities, the results of which can be considered as evidence and used during not only pre-trial proceedings, but also in judicial investigation.

Judicial evidence is the basis for establishing significant circumstances necessary for the resolution of a criminal case. The final court decision depends on the degree of reliability of the facts, the level of

persuasiveness of their totality. One of the possible sources of information about significant circumstances are the results of operational investigative activities. Their use in evidence seems to be an important segment of criminal procedural activity, starting from the procedural ways of presenting them to the court, to evaluating the results of their research in the conditions of an adversarial judicial investigation. This whole procedural path is accompanied by numerous problems, one of which is the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence. Optimization of this procedure seems to be an important direction of modern criminal procedure science and a significant aspect of law enforcement.

The purpose of the study is to develop a new approach to solving the institutional problem of using the results of operational investigative activities in judicial evidence. The objectives of the study included: the formulation of a problematic situation in a new political and ideological context related to the definition of the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence; the definition of a theoretical and legal way to solve it; the development of specific author's proposals to change the procedure for using the results of operational investigative activities in judicial evidence.

The study was conducted on the basis of traditional methods: various types of analysis (structural-system, system-functional), generalization, formal-legal, comparative-legal.

The results of the study were the author's proposals aimed at optimizing the procedural form of using the results of operational investigative activities in the context of a judicial investigation, including a differentiated approach to the use of personal and material results of operational investigative measures in the judicial investigation, the formulation of legal standards for the presentation and research in the judicial investigation of the materials of operational records, interrogations of operatives, as well as classified witnesses charges that participated in the conduct of operational search activities.

Keywords: criminal proceedings, evidence, evidence, results of operational investigative activities, judicial investigation, procedural procedure, use.

Введение

Проблему использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) надо признать одной из наиболее актуальных в современной уголовно-процессуальной теории. Она возникла после выделения оперативно-розыскной деятельности из иной деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений. Точкой отсчета можно считать момент принятия первого закона об оперативно-розыскной деятельности¹ в 1992 году и официального признания ее как самостоятельного правового феномена по отношению к уголовно-процессуальной деятельности в целом, и доказыванию, в частности.

Несмотря на то, что проблемы использования результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании длительное время являются предметом исследований в рамках различных научных отраслей, такой ее аспект, как использование результатов ОРД именно в судебном следствии изучен мало.

В числе основных проблем, которые привлекают внимание ученых, можно отметить:

- ограниченность возможностей государственного обвинителя в использовании результатов ОРД в судебном доказывании [16];
- непосредственное (прямое) использование результатов ОРД и данный вопрос имеет общепроцессуальное значение, давно находится в поле зрения ученых [13], но до настоящего времени не решен законодателем;
- правовая основа представления результатов ОРД, в том числе в рамках судебного разбирательства, и ее явная недостаточность [7].

В то же время многие вопросы остаются без надлежащего научного раскрытия, в числе которых следует назвать:

- наличие потребности в дифференциации процессуального порядка использования результатов ОРД в зависимости от способа их получения;
- законодательное регулирование порядка использования результатов ОРД в судебном следствии;
- вовлечение в судебное доказывание новых способов получения информации, основанных на оперативно-розыскных методах и др.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13 марта 1992 года № 2506-1 (ред. от 02.07.1992) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 892.

Методы исследования

Автором для достижения цели и решения задач исследования использованы различные виды анализа (структурно-системный, системно-функциональный), обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой. Посредством аналитической работы были выявлены специфичные признаки судебного доказывания при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности. Методом обобщения выведены закономерности проявления особенностей доказывания при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности.

Формально-юридический и сравнительно-правовой методы дали возможность получить знания о регулировании доказывания в досудебном и судебном следствии и выявить пробелы в законодательном пространстве, сужающие возможности участников судебного следствия по исследованию и оценке результатов оперативно-розыскной деятельности.

Результаты исследования

На межотраслевом уровне осуществлена комплексная разработка теоретических и прикладных аспектов представления и исследования в судебном следствии по уголовным делам доказательств, содержащих информационные и вещественные результаты оперативно-розыскной деятельности.

Автором обновлена парадигма судебного доказывания по уголовному делу на основании творческого развития основных положений, составляющих ее содержание. Так, предлагается дополнить парадигму доказывания дифференциацией порядка использования в судебном доказывании личных и вещественных результатов ОРД, а также гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий.

При этом поддерживаются идеи о неизменности исторически сложившейся структуры досудебного и судебного доказывания, о различиях в правовых режимах использования результатов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

В работе представлен авторский проект модернизации процедур представления суду государственным обвинителем доказательств, образованных с использованием информационных и вещественных результатов оперативно-розыскной деятельности.

Впервые сформулированы правовые стандарты представления и исследования в судебном следствии материалов дел оперативного учета, допросов оперуполномоченных, а также засекреченных свидетелей обвинения, которые участвовали в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Научная дискуссия

Длительное время имеет место правовая неопределенность в оценке доказательственного значения результатов таких оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), как оперативный эксперимент, проверочная закупка, гласное обследование различных объектов, в том числе при проведении судебного следствия и использовании их в судебном доказывании.

Отдельные аспекты проблематики использования в судебном доказывании результатов ОРД затрагивались рядом ученых¹ [8]. При этом некоторые из них допускают явный перекося в сторону манипулятивных речевых технологий [1, с. 19–23], искажающих отечественную модель уголовно-процессуального доказывания.

Появились публикации, предлагающие «радикально» простые способы решения обозначенной проблемы. Суть их сводится к тому, чтобы разрешить непосредственное представление в ходе судебного разбирательства информации и материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, без их предварительной легализации в досудебных стадиях уголовного процесса². Появление таких концепций не случайно, если иметь в виду «доктрины», чуждые нашей правовой традиции [4, с. 20–25].

Важно правильно понять главную причину анализируемой проблемы, которая, как и всякая серьезная проблема, имеет идеологический характер [11, с. 43–47; 18, с. 24–31]. Особенность превращения результатов одного из видов досудебной деятельности правоохранительных органов (ОРД) в судебное доказательство кроется в типовой самобытности российского процесса.

¹ Машовец А.О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018.

² См., например: Уткин В.В. Использование в судебном доказывании по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 17, 18.

В отечественной уголовно-процессуальной науке издавна идет острое идеологическое противостояние между либеральным, прозападным направлением, и отечественной правовой традицией, исторически проникнутой следственной идеологией. Новый виток в этом противостоянии наступил с современной эпохой в историческом развитии России. Отныне обеспечение «преимущества в развитии Российского государства» (ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации¹) должно составлять парадигму российской юридической науки, включая науки по специальности 5.1.4.

В современную эпоху методологически важно занять правильную идеологическую, политическую, духовно-нравственную позицию, в полном соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Таким образом, первым теоретико-методологическим ходом в наших построениях будет констатация того, что институты уголовно-процессуального права, включая доказывание, а равно и вся поставленная нами проблематика должны пониматься в свете российской исторической правовой традиции стремления к истине и справедливости, сильного государства.

Мы исходим из того, что одним из проявлений уникальности современного российского уголовного процесса является феномен оперативно-розыскной деятельности и использование в доказывании ее результатов. На очередном этапе правового развития требуется осмыслить закрепленную в позитивном праве (ст. 89 УПК РФ, ст. 11 ФЗ Об ОРД³), воплощенную в доктрине и подвергаемую критике модель использования в доказывании результатов ОРД.

Наряду с идеологическим, политическим факторами актуализирует тему исследования фактор «технологический». Стремительное развитие цифровых технологий, постоянно совершенствующиеся способы совершения преступлений, бросают правовой системе противодействия преступности новые вызовы, которые требует освещения в теоретическом и прикладном планах. «Областями применения цифровых технологий, – пишет В.А. Семенцов, – стали практически все сферы жизни современного общества, включая деятельность уголовно-процессуальную, связанную с решением социальной задачи защиты от преступлений процессуальными средствами» [15, с. 101].

Считаем, что происходящая цифровизация общества, государства, правосудия порождает соблазн подменить правовое решение правовой проблемы техническим.

С.И. Кувычков предлагает заменить критерий допустимости технической проверкой аутентичности цифровой информации, представляемой суду сторонами в качестве своих доказательств, в том числе, представляемой государственным обвинителем цифровой информации, полученной в ходе ОРД [5, с. 76–81].

С нашей точки зрения, цифровые технологии не изменят существа уголовно-процессуальных явлений и не смогут отменить уголовно-процессуальной следственной формы легализации, то есть проверки ее и фиксации в протоколах следственных действий и иных процессуальных документах. Неприемлемыми являются выводы о якобы большей допустимости цифровой информации, представленной в электронном виде, по сравнению со сведениями в традиционных источниках.

Современный этап научных исследований немислим без междотраслевого подхода к пониманию сложных уголовно-процессуальных явлений, каковым является процесс трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-судебное доказательство, чему способствует введение новой научной специальности 5.1.4. Поэтому наряду с общими методами научного исследования особое значение приобрел комплексный метод.

Мы исходим из того, что отечественный уголовный процесс в своей установке на объективную истину сохраняет на протяжении нескольких веков двухэтапную организацию с разграничением досудебного и судебного производств. А это, в свою очередь, делает неприемлемой

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 года, с учетом поправок по сост. на 04 октября 2022 года) // Российская газета. 1993. 25 дек. (первоначальный текст).

² [сайт]. Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации; 2022 [обновлено 09 ноября 2022; процитировано 12 ноября 2022]. Доступно: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>.

³ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

для отечественного правосудия модель судебного следствия / доказывания в ее англосаксонском виде¹.

Институт судебного следствия в уголовном процессе смешанного (поискового) типа – это величина неизменная, исторически сложившаяся структура. Судебное следствие не может заменить следствие предварительное или выступить равнозначной альтернативой ему. Предварительное расследование обязательно должно предшествовать следствию судебному, чтобы была обеспечена надлежащая гарантия полноты, объективности и всесторонности установления фактических обстоятельств дела [6, с. 162–165].

В настоящее время переход к состязательной уголовно-процессуальной модели доказывания в судебном следствии по объективным причинам невозможен. Проблема оптимизации использования в уголовном процессуальном доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности подлежит решению только в контексте сохранения существующей, то есть следственной уголовно-процессуальной модели, в которой доминирует следственный правовой стандарт формирования доказательства. В основе этого стандарта лежит протокол следственного действия, соответствующий требованиям статей 166, 167 УПК РФ.

Концептуальная модель использования в судебном следствии результатов ОРД должна включать в себя, с одной стороны, аксиоматическое положение о разделении оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений и изобличению лиц их совершивших, а с другой стороны, постулат о единстве досудебного и судебного уголовно-процессуального доказывания, равно как и предварительного и судебного следствий.

Аксиологическая посылка (о дифференциации форм досудебной активности органов государства по раскрытию преступления) вытекает из признания необходимости сохранения существующей модели досудебного производства и, соответственно, исключительности следственной технологии формирования уголовно-процессуальных доказательств.

Сложившаяся дифференциация правовых форм оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности обусловлено исторически сложившейся, единственно возможной следственной гарантией прав личности: она предполагает двойную проверку допустимости в качестве средства доказывания полученных при проведении ОРМ сведений, материалов и фактов.

Концепция объективной истины является идеологическим стержнем отечественного уголовного судопроизводства и концептуальной основой понимания сущности основных уголовно-процессуальных явлений и институтов: судебного доказывания и судебного следствия.

Исходные положения общего характера, развитые выше, мы можем конкретизировать в нижеследующих тезисах.

Запрет, предусмотренный ст. 89 УПК РФ, сохраняет институциональное значение для уголовно-процессуальной формы доказывания. Вместе с тем мы выступаем за смягчение формулировки, содержащей в ст. 89 УПК РФ в виде категорического запрета, в котором заложена негативное отношение к результатам ОРД. Предлагается отказаться от определения возможности использования в доказывании результатов ОРД через «запрет» и следующую редакцию ст. 89 УПК РФ: «Результаты оперативно-розыскной деятельности в виде материалов и информации, полученные в соответствии с действующим законодательством, гарантирующим права человека, а также их верифицируемость и аутентичность, могут использоваться после проверки органом предварительного расследования в судебном следствии в качестве доказательств».

Единственный правовой способ представления в судебном следствии фактических данных и их носителей, полученных в ходе ОРД, допустим только через их легализацию в ходе предварительного расследования, а затем представление гособвинителем суду в виде первоначальных и производных источников обвинительных доказательств.

В настоящее время в правоприменении имеет место тенденция к унификации правового стандарта проведения некоторых, например, гласных ОРМ, приближенных к форме производства следственных действий [2, с. 101–119; 3, с. 48–52;]. Критерий допустимости уголовно-процессуальных доказательств может быть модернизирован в сторону унификации правовых стандартов оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

¹ См.: Азаренок Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2022. С. 11–14.

Признание правового аспекта в оперативно-розыскной деятельности и ее результатах открывает возможность для создания межотраслевого правового стандарта допустимости представления, равно как и исследования в суде в качестве доказательств результатов оперативно-розыскных мероприятий в виде сведений и их источников. Его должны составлять различные по своей отраслевой принадлежности, но единые по смыслу правила документирования хода и результатов оперативно-розыскных мероприятий, которые гарантируют законность, обоснованность и обеспечение прав личности, а также достоверность полученных таким путем сведений.

Мы предлагаем следующую классификацию уголовно-процессуальных доказательств обвинения, порожденных ОРД: (1) событие преступления, зафиксированное в материалах ОРД; (2) предметы и документы со следами преступления, полученные в ходе ОРМ; (3) личные доказательства, сформированные в результате проведения ОРД. Отсюда различия в процессуальной технологии и тактике представления каждого из них.

На наш взгляд, с учетом позиции других авторов [9, с. 241–245; 10, с. 107–111; 12, с. 36–41], можно выделить следующие процессуальные технологии представления в судебном следствии доказательств из результатов ОРД: (1) оглашении государственным обвинителем письменных документов, зафиксировавших в ходе проведения ОРМ и следственных действий, указывающих на следы преступления; (2) судебные допросы гособвинителем сотрудников оперативных аппаратов и лиц, участвовавших в проведении ОРМ, в том числе представителей общественности; (3) предъявление гособвинителем и осмотр судом предметов и документов, изъятых в ходе ОРМ и получивших статус вещественных доказательств, что может сопровождаться применением специальных познаний при их исследовании, включая производство экспертиз; (4) представление в суде служебно-оперативных документов, воспроизведение видео-записи, в которых зафиксировано событие преступления по результатам проведения ОРМ (оперативный эксперимент, проверочная закупка и др.).

Доказательственное значение результатов проверочной закупки, оперативного эксперимента, наблюдения можно определить с учетом того, что преступление контролируется правоохранительными органами и происходит тайное документирование контролируемого события преступления. Результаты этих ОРМ, будучи представленными в виде обвинительных доказательств, либо принимаются судом за факты, либо отвергаются как результат подстрекательства или провокации. Поэтому доминирующей технологией их представления является снятие сомнений в провокационности действий оперуполномоченных.

В литературе справедливо утверждается, что «оперативно-розыскные мероприятия могут содержать элементы провоцирующего поведения (проверочная закупка, оперативное внедрение, оперативный эксперимент и др.), но действия их участников по активизации поведения объекта мероприятия, обнаружившего преступные замыслы, направление его поведения к совершению действий, облегчающих его разоблачение, не образуют провокации преступления и соучастия в нем» [14, с. 52].

Так, в жалобе защитника утверждалось, что в отношении подзащитного – осужденного Ш. со стороны сотрудников УФСБ была провокация. В судебном заседании допрошен оперуполномоченный С., который дал показания относительно проведения в отношении Ш. оперативного эксперимента Суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что ОРМ проведено в соответствии с требованиями закона и обоснованно признано следователем, а затем и судом допустимым доказательством¹.

Правовой стандарт, используемый в судебном следствии для оценки допустимости результатов этих ОРМ, имеет две составляющие: (а) материально-правовую – обеспечивающую снятие сомнений в отсутствии провокационности (подстрекательства), (б) формальную – образуемую совокупностью требований законодательства к проведению и оформлению этих ОРМ, а также проверке их в уголовном процессе. В правовой стандарт допустимости результатов оперативного эксперимента, проверочной закупки, входит обоснованность проведения этих ОРМ.

К критериям допустимости доказательств, сформированных из результатов этих ОРМ, отнести следующие: 1) обоснованность проведения ОРМ, 2) объективность подозрения; 3) отсутствие провокационности в поведении сотрудников правоохранительных органов и лиц, с ними

¹ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда (Краснодарский край) от 14 августа 2020 года по делу № 1-9/2020 [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/d1lyNZUiBQml/>.

сотрудничающих; 4) верифицируемость, в том числе с помощью применения технических средств, результатов ОРМ как в ходе предварительного расследования, так и судебного следствия.

Отдельным пунктом нашей позиции является вопрос о допустимости представления в судебном следствии дела оперативного учета (ДОУ). На практике вопрос о представлении ДОУ в судебном следствии решается неоднозначно. Чаще всего ссылки на дела оперативного учета делают допрашиваемые в судебном следствии оперуполномоченные, участвовавшие в проведении этих ОРМ¹. Однако, иногда документы из ДОУ непосредственно представляются в судебном следствии государственным обвинителем по удовлетворенному судом ходатайству защитника².

Вопрос о представлении суду ДОУ относится к сфере правовой неопределенности. Мы считаем, что закон должен включать четкие требования к закреплению информации о предшествующей криминальной деятельности «объекта» в материалах, полученных при проведении оперативного эксперимента, проверочной закупки. Прежде всего это касается надлежащего наполнения и оформления материалов дел оперативного учета, как гарантия обоснованности проведения этих ОРМ, которая может быть проверена в судебном следствии. Надо сформулировать положение о том, что дела оперативного учета по решению суда должны представляться для исследования суда и сторон в случае возникновения разумных сомнений в обоснованности проведения оперативного эксперимента и проверочной закупки, включая обоснованность подозрения. При этом к проведению наблюдения данное требование не относится.

Вещественные доказательства из результатов предметных ОРМ представляют собой материальные объекты со следами преступления в правовой оболочке из документов (актов, протоколов) и приложений, составленных субъектами ОРД и уголовно-процессуальной деятельности для фиксации обстоятельств обнаружения и изъятия этих объектов.

Информационным ядром вещественного доказательства является след преступления, отразившийся на материальном объекте. Форма вещественного доказательства – это есть задокументированное или зафиксированное техническим способом подтверждение субъектом оперативно-розыскной или уголовно-процессуальной деятельности наличия связи предмета-объекты с событием преступления и способности его связь подтвердить, прежде всего в судебном следствии – решающем этапе проверки и оценке доказательства.

Наша позиция относительно представления суду предметов, документов со следами преступной деятельности, полученных в ходе ОРД, такова. Оперативно-розыскная деятельность выступает решающим средством перевода объектов из естественного состояния элементов объективного мира в сферу уголовно-процессуального доказывания. Обнаружение и собирание (изъятие) такого предмета как потенциального «средства доказывания» уже состоялось в результате проведения соответствующего (предметного) ОРМ. Служебно-оперативные документы становятся частью формы вещественного доказательства, которое представляется государственным обвинителем суду.

В этой связи нами предлагается новая формулировка ст. 284 УПК РФ: «Предъявление и осмотр вещественных и иных доказательств», а ее содержание предлагается изложить следующим образом: «1. Предъявление и осмотр доказательств проводится в любой момент судебного следствия по ходатайству сторон. Лица, которые предъявляют и которым предъявлены доказательства, вправе

¹ Приговор Партизанского городского суда (Приморский край) от 12 ноября 2020 года по делу № 1-95/2020 в отношении Гапонова Е.П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/OaBJw3qIAwx3/?regular-txt=>; Приговор Шпаковский районный суд (Ставропольский край) от 07 июля 2021 года по делу № 1-141/2021 в отношении Петросяна С.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/nOtLn7aif4dn/?page=3®ular-court=>; Приговор Шпаковского районного суда (Ставропольский край) от 16 сентября 2020 года по делу № 1-134/2020 в отношении Ковяка В.Г., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 105, ч. 2 ст. 228 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/SMYyYa7Tof59/?regular-txt=>.

² Приговор Заводоуковского районного суда (Тюменская область) от 30 июля 2020 года по делу № 1-7/2020 в отношении (ФИО), обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ [сайт]. Судебные и нормативные акты РФ; 2023 [процитировано 05 января 2023]. Доступ: <https://sudact.ru/regular/doc/OIf87VOwoYbm/?regular-txt=>.

обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. 2. При предъявлении доказательств допускается применение технических устройств. С разрешения председательствующего допускается демонстрация содержимого электронных накопителей информации, Интернет-сайтов, воспроизведение видеозаписей на экранах мониторов в зале судебного заседания. 3. При предъявлении доказательств подсудимому, потерпевшему, свидетелю, специалисту и эксперту могут быть заданы вопросы. 4. При предъявлении и осмотре вещественных доказательств могут оглашены протоколы следственных действий, документы ОРМ, зафиксировавшие их обнаружение и изъятие».

Что касается вопроса представления и исследования личных доказательств в судебном следствии, в основе которых лежат фактические данные, полученные от лиц при проведении гласных или негласных ОРМ, то здесь надо подчеркнуть следующее. Именно в технологии формирования личных доказательств должен быть положен предел уступчивости в заимствовании западных (состязательных) технологий формирования: манипуляционный момент, оттирание судьи на второй план, отказ от стандарта объективной истины в пользу игрового момента, уход в формализм, что проявляется в передаче прав на ведение судебных допросов исключительно сторонам.

По-нашему мнению, личное доказательство имеет следующую структуру, во-первых, это лицо, которое дает показания, во-вторых, это показания, то есть его устные сообщения, речь, в-третьих, сведения, информация, содержащаяся в сообщениях лица, в-четвертых, это документы, в которых зафиксированы сведения, включая оперативно-служебные документы.

Разделение ОРД и уголовно-процессуальной деятельности, включающее запрет, установленный ст. 89 УПК РФ, ведет к признанию невозможности отказаться от технологии формирования личных судебных доказательств путем представления суду в виде производных, письменных источников сведений, полученных как от ранее допрошенных лиц (свидетелей), но так же иных устных сообщений лиц (явка с повинной, объяснение, опрос и пр.), которые оглашаются в порядке, предусмотренном ст. ст. 281, 285 УПК РФ.

Допросы засекреченных свидетелей, включая лиц, участвовавших в проведении ОРМ¹, могут проводиться по усмотрению суда только в исключительных случаях: когда есть веские основания для подозрения во лжесвидетельстве или совершения другого преступления против правосудия, с соблюдением мер обеспечения их безопасности и засекречиванием персональных данных. Мы поддерживаем уже ранее сделанные предложения такого рода по изменению редакции статей 277, 278, 281 УПК РФ² [17, с. 53–59].

Таким нам видится проект модернизации порядка представления в суд обвинительных доказательств, содержащих результаты ОРД, сформированных в ходе предварительного расследования.

Список использованной литературы:

1. Александров А.С. Перекрестный допрос в суде как средство формирования показаний. *Допустимость показаний в уголовном процессе: материалы Всероссийского круглого стола*. Санкт-Петербург: Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; 2021.
2. Балакшин В.С. Использование материалов административной деятельности и результатов оперативно-розыскных мероприятий в доказывании по уголовным делам. *Российский юридический журнал*. 2021;(4(139)):91–101. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_91.
3. Григорьев В.Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности. *Судебная власть и уголовный процесс*. 2018;(2):48–52.

References:

1. Aleksandrov A.S. [Cross-examination in court as a means of forming testimony]. *Dopustimost' pokazanii v ugovolnom protsesse: materialy Vserossiiskogo kruglogo stola = The admissibility of testimony in criminal proceedings: materials of the All-Russian Round table*. Saint Petersburg: North-Western Branch of the Russian State University of Justice; 2021. (In Russ.)
2. Balakshin V.S. [The use of materials of administrative activities and the results of operational investigative measures in proving criminal cases]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*. 2021;(4(139)):91–101. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_91. (In Russ.)
3. Grigor'ev V.N. [Some judgments about the results of operational investigative activities]. *Sudebnaya vlast' i ugovolnyi protsess = Judicial power and criminal*

¹ Мельникова Е.Ф. Особенности доказывания по уголовным делам, по которым принимаются меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 9–11.

² Мельникова Е.Ф. Указ. соч. С. 13–15, 267–269.

4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней (монография) / А.С. Александров и др. Москва: Юрлитинформ; 2015.
5. Кувычков С.И. К вопросу об использовании электронной информации в уголовно-процессуальном доказывании: теоретико-прикладной аспект. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2015;(2(30)):76–81.
6. Левченко О.В., Хайдаров А.А. Судебное следствие как институт уголовно-процессуального права. *Вестник Московского университета МВД России*. 2018;(1):162–165.
7. Михайловская О.В. Результаты оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. *Российская юстиция*. 2019;(1):45–46.
8. Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона: монография. Москва: Проспект; 2019.
9. Муравьев М.В. К вопросу о правовом феномене гласных оперативно-розыскных мероприятий как элементе формирования уголовно-процессуальных доказательств. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2021;(1(53)):241–245. DOI: 10.36511/2078-5356-2021-1-241-245.
10. Назаров М.В. Перспективы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. *Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. 2021;(4(60)):107–111.
11. Поляков М.П. Идеологический подход и уголовно-процессуальная концептология как инструменты познания сущности отечественного уголовного судопроизводства. *Труды Академии управления МВД России*. 2018;(1(45)):43–47.
12. Россинский С.Б. Судебные действия познавательного характера как объекты уголовно-процессуального регулирования. *Российский судья*. 2014;(10):36–41.
13. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения. *Lex Russica (Русский закон)*. 2018;(10):70–84.
14. Семенцов В.А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности. *Союз криминалистов и криминологов*. 2020;(4):45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53.
15. Семенцов В.А. Цифровые технологии в
- procedure. 2018;(2):48–52. (In Russ.)]
4. [The doctrinal model of the Criminal procedural evidentiary law of the Russian Federation and comments on it] / A.S. Alexandrov et al. Moscow: Yurlitinform; 2015. (In Russ.)]
5. Kuvychkov S.I. [On the issue of the use of electronic information in criminal procedural proof: theoretical and applied aspect]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015;(2(30)):76–81. (In Russ.)]
6. Levchenko O.V., Khaidarov A.A. [Judicial investigation as an institution of criminal procedural law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1):162–165. (In Russ.)]
7. Mikhailovskaya O.V. [The results of operational investigative activities in proving criminal cases]. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2019;(1):45–46. (In Russ.)]
8. Murav'ev K.V. [Optimization of the procedural form of application of the criminal law]. Moscow: Prospect; 2019. (In Russ.)]
9. Murav'ev M.V. [On the issue of the legal phenomenon of public operational search measures as an element of the formation of criminal procedural evidence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;(1(53)):241–245. DOI: 10.36511/2078-5356-2021-1-241-245. (In Russ.)]
10. Nazarov M.V. [Prospects for using the results of operational investigative activities in criminal proceedings]. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2021;(4(60)):107–111. (In Russ.)]
11. Polyakov M.P. [Ideological approach and criminal procedural conceptology as tools of cognition of the essence of domestic criminal proceedings]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1(45)):43–47. (In Russ.)]
12. Rossinskii S.B. [Judicial actions of a cognitive nature as objects of criminal procedural regulation]. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2014;(10):36–41. (In Russ.)]
13. Rossinskii S.B. [The problem of using the results of operational investigative activities in the criminal process requires final resolution]. *Lex Russica (Russkii zakon) = Lex Russica (Russian Law)*. 2018;(10):70–84. (In Russ.)]
14. Sementsov V.A. [Provocation of a crime in operational investigative activities]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminologists and Criminologists*. 2020;(4):45–53. DOI: 10.31085/2310-8681-2020-4-208-45-53. (In Russ.)]
15. Sementsov V.A. [Digital technologies in domestic

отечественном уголовном судопроизводстве. *Юридический вестник Кубанского государственного университета*. 2022;(4):97–105. DOI: 10.31429/20785836-14-4-97-105.

16. Спирин А.В. Использование государственным обвинителем результатов оперативно-розыскной деятельности. *Законность*. 2018;(3(1001)):18–22.

17. Холопов А.В. Исследование вещественных доказательств в судебном следствии с помощью технических средств. *Криминалист*. 2014;(1(14)):53–59.

18. Шадрин В.С. Доказательственная деятельность государственного обвинителя. *Криминалист*. 2013;(1(12)):24–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучинкин Федор Михайлович

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Ижевский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ORCID: 0000-0001-8184-769X

criminal proceedings]. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2022;(4):97–105. DOI: 10.31429/20785836-14-4-97-105. (In Russ.)]

16. Spirin A.V. [The use by the public prosecutor of the results of operational investigative activities]. *Zakonnost' = Legality*. 2018;(3(1001)):18–22. (In Russ.)]

17. Kholopov A.V. [Examination of material evidence in a judicial investigation with the help of technical means]. *Kriminalist' = Criminologist*. 2014;(1(14)):53–59. (In Russ.)]

18. Shadrin V.S. [Evidentiary activity of the public prosecutor]. *Kriminalist' = Criminologist*. 2013;(1(12)):24–31. (In Russ.)]

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedor M. Luchinkin

Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines Izhevsk Institute (branch) FGBOU VO "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

ORCID: 0000-0001-8184-769X